

П. Харвей

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ СТРУКТУРНОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ БРИТАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Когда я начинаю размышлять над вопросами, предложенными мне для того, чтобы определить сегодняшний статус антропологии в британском обществе, у меня прежде всего возникает желание (видимо, оно продиктовано спецификой нашей дисциплины) несколько более придирчиво разобраться в том, что именно мы вкладываем в понятия “антропология”, “британское”, “общество”.

В Великобритании антропологам нередко приходится давать формальные и неформальные заключения о состоянии дел в своей дисциплине, ибо корреляция между имиджем и практикой всегда имеет серьезное значение для будущего любой дисциплины. Вероятно, проблема еще более важна ввиду того, что в наших внутрицеховых представлениях и в представлениях более широкого общества присутствуют различные понятия о том, на чем именно держится наша “дисциплина” как нечто цельное, и, конечно, ввиду того, что сфера пересечения между данными представлениями так невелика и так ценна.

Если говорить обобщенно, то, думаю, будет справедливым сказать, что британская публика за пределами стен академических учреждений не разделяет какого-либо конкретного взгляда на то, что такое антропология. На самом деле даже в академическом сообществе люди порой, как кажется, просто не желают знать, чем мы занимаемся. В тех слоях общества, с представителями которых мы сталкиваемся в нашей профессиональной деятельности – будь то наши друзья или водители такси, прогуливающие уроки в школе дети или их родители, разработчики социальных программ или политические деятели – знают очень мало о том, что такое антропология (не говоря уже о том, для чего она нужна). Одни из антропологов полагают, что причина данного безразличного отношения и вытекающей из него “незаметности” антропологии кроется в том, что дисциплина не преподается в средней школе. Другие считают, что антропология не способна привлечь общественное внимание, потому что ей недостает заметного имиджа в средствах массовой информации (*Sillitoe* 2003)¹. Конечно же, в обществе можно услышать шутки об экипировке в стиле сафари – особенно от тех, кто усвоил некое поверхностное знание о контексте антропологической работы и хочет намекнуть на связь между имперским расизмом и его неокOLONIALНЫМ наследием. Стереотип “охотников за экзотическим”, безусловно, до сих пор сохраняется, и даже о тех, кто проводит исследования у себя “дома”, в контексте современной западной культуры, часто думают как о людях, занятых выискиванием “племенных” аспектов в реалиях сегодняшней жизни.

Поддержанию данного стереотипа, несомненно, в некоторой степени способствовал документальный сериал “Исчезающий мир”, который с успехом шел на телевидении в 1980-е годы и наваял образ антропологии как науки, погруженной в ностальгическое изучение отходящих в прошлое жизненных миров. Действительно, традиционная антропология, долго находившаяся в так называемой парадигме спасения, подогревала интерес к изучению этих альтернативных жизненных миров, поставленных под угрозу, но так и не смогла воспитать интерес к исследованию тех альтернатив нашему общепринятому пониманию мироустройства, которые вовсе не исчезают, но к которым продолжают относиться с недопониманием, которые осуждают и даже открыто игнорируют. В этом смысле данный телесериал (который, конечно, был очень важен, с точки зрения контакта антропологии с обществом) был

Пени Харвей (Harvey) – профессор кафедры социальной антропологии Манчестерского университета (Англия).

далек от задачи разъяснения профессионального стремления современной антропологии добраться до сути того, *что* значит жить в мире, где культурное многообразие, с одной стороны, принимается за данное, считается очевидным и необходимым измерением общественного существования человека, но с другой (а именно с индивидуалистическо-рационалистических позиций сегодняшней бюрократии и неолиберальных капиталистических кругов) воспринимается как нечто угрожающее и не укладывающееся в рамки разумного. Мне кажется, в наши дни вопрос о культурных различиях должен оставаться центральным в антропологических исследованиях.

Сложность, впрочем, заключается в том, что в попытках систематического изучения культурных различий можно легко усмотреть попытку продолжить тот род академических упражнений, который подвергся острой критике со стороны ряда политически сознательных научных направлений, успешно развивавшихся в гуманитарных науках в последние два десятилетия. В одних исследованиях (они проводились в рамках, условно говоря, “психоаналитического” подхода) было продемонстрировано, как западные общества формировали свою идентичность посредством проецирования образа совершенно отличных культурных черт на общества “других”. В иных исследованиях (они проводились в рамках, условно говоря, “неомарксистских” подходов) демонстрировалось, как социальные репрезентации локальных культур соотносятся с националистическими идеологиями, на которые опирается система западной политики и экономики.

Как те, так и другие исследования бросили тень подозрения на наше стремление описывать и документировать иные жизненные миры. Кроме того, голос антропологии был приглушен вследствие громкого успеха культурных исследований (имеется в виду гуманитарная дисциплина “Cultural Studies”. – *Прим. пер.*), которые поставили в повестку дня важные вопросы: о современных культурных процессах в Великобритании, о расовых, классовых и гендерных отношениях и о сущности культурных различий. Иными словами, культурные исследования вызвали сомнения в эффективности практики поиска ответов на существенные вопросы среди “других” в то время, как “дома” имелось множество острых проблем, настоятельно требовавших своего изучения.

Однако, мне кажется, значимость антропологических исследований не подрывают, а лишь подтверждают те доводы, что в изучении “других” всегда присутствует солипсизм. Думаю, что в последнее время ввиду динамичного и энергичного развития культурных исследований как дисциплины и области знания нам очень важно сохранять собственное интеллектуальное пространство для критического осмысления того, что воспринимается как общее и “само собой разумеющееся”, а также того, как и в каких целях эксплуатируются различия.

Именно эта задача вдохновляет увлеченное меньшинство гуманитариев на новые путешествия, чтение новых книг и восприятие разных точек зрения в мире, который как бы по определению не заинтересован в том, чтобы слушать то, что мы стараемся ему сообщить. Антропология занимает маргинальное место в британских университетах и в общественном сознании как раз по этой причине – она подвергает сомнению общепринятые установки, выискивает новые проблемы и вскрывает контекстуальную обусловленность того, что подается нам под видом универсальных объяснений. Британскую антропологию характеризует приверженность этнографическим методам, которые позволяют ученому соединить исследование онтологических особенностей с критическим анализом исторических условий, в рамках которых культурные различия конституируются, воспроизводятся и подвергаются испытаниям.

Данная методологическая установка дает антропологам возможность анализировать сложный характер взаимосвязи между социальными группами и культурными явлениями и, таким образом, позволяет лучше осознавать ту провинциальность, которая характеризует даже самые амбициозные теоретические схемы. Весь вопрос в том, есть ли в данной установке что-либо, что можно было бы назвать отличительно британским.

Кит Харт однажды охарактеризовал британскую социальную антропологию как “гибрид культа и линиджа” – как “группу с двойным десцентом, близнецами-основателями которой были Малиновский и Рэдклифф-Браун” (Hart 2003: 1). Мне нравится эта характеристика. Она помогает понять, как данная дисциплина может объединять такую гетерогенную группу людей, разных по национальному происхождению, которые связаны лишь их общим интересом к интегрированию полевой работы с теорией (к интегрированию, которое осуществляется, опять же, такими разными способами). Британская социальная антропология традиционно гордится своей эмпирической традицией, упором на долговременные полевые исследования и в последнее время, пожалуй, политической актуальностью проводимых исследований, которая проистекает из повышенного внимания антропологов к феномену функционирования власти. Вместе с тем двойственная установка на изучение, с одной стороны, проблем, открывающихся в ходе полевой работы, а с другой – вопросов, диктуемых рутиной академической традиции, не является чем-то характерным исключительно для британской социальной антропологии. Культ, безусловно, транснационален! Но у культа, как заметил Харт, есть свои линиджи, которые привязывают его к той или иной институциональной истории, к тому или иному национальному контексту финансирования, к тем или иным позициям в общей структуре власти².

Говоря о линиджах, нельзя, конечно, не упомянуть, что современная антропология в Великобритании была основана людьми не британского происхождения, и вместе с тем нельзя сказать, что тяготение этих людей к Великобритании и их успех в продвижении дисциплины не имели никакого отношения к тем огромным привилегиям, которые колониальный и неоколониальный мир давал профессорам британских университетов (глобальный язык, “право” беспрепятственно путешествовать и средства на путешествия). В этих условиях сформировалась дисциплина, характеризовавшаяся теоретическим плюрализмом и опиравшаяся на широкую международную сеть профессиональной работы, которая координировалась сравнительно небольшим числом антропологов³.

Хотя язык и мобильность сыграли важную роль в оформлении антропологии как либеральной и внутренне разнообразной области знания, специфика британской дисциплины лучше всего проявляется в характере ее институционального положения. Именно здесь начинают прорисовываться особенности взаимодействия между антропологами и их спонсорами – взаимодействия, в процессе которого формируются темы исследований, создаются условия для развития и воспроизводства дисциплины как конкретного вида интеллектуального творчества (Mills 2003: 22). Описание институциональной истории дисциплины не входит в задачи данной статьи – по этой теме написано немало работ (Kuper 1973; Kuper 1999; Leach 1984; Spencer 2000; Stocking 1984 и др.). Я сосредоточу свое внимание на текущем этапе развития дисциплины и на том воздействии, которое неолиберализм оказал на британские университеты, в частности на антропологию как одну из университетских дисциплин.

Работавшие в последние десятилетия в Великобритании антропологи провели значительную часть своей профессиональной деятельности в институциональных условиях, способствовавших формированию того, что можно было бы назвать ментальным климатом “осадного положения”. Прошедшие 30 лет в стране были отмечены радикальным реформистским настроем тэтчеровского и блэровского правительств, которые стремились решить проблему финансирования высшего образования с помощью призывов соединить науку с производством, лозунгов “получения отдачи от инвестированных денег” и демонстрирования взаимодействия с “обществом”. Необходимость представлять отчеты о внедрении этих директив в виде, удобном для перевода научных достижений в формальные статистические показатели роста, привела к тому, что административные цели и дух менеджества стали доминирующими факторами в определении направлений деятельности университетов (Strathern 2000).

Таким образом, в последнее время исследования проводились в пространстве, которое ревниво оберегалось от разнообразных сторонних притязаний, и часто вынашивались в атмосфере недоверия. В государственных фондах все определялось критериями “результатов”, и учреждения и дисциплины оказались втянутыми в конкуренцию за обладание тем, что понималось всеми как очень ограниченные и быстро тающие средства на научные исследования⁴.

Зависимость от государственного финансирования заставляет антропологов искать пути приспособления к данной ситуации. К примеру, государственные фонды сегодня все чаще требуют, чтобы антропологи демонстрировали “общественную востребованность” предпринимаемых исследований посредством нахождения, так сказать, “групп пользователей”, которые были бы готовы заранее, еще до начала исследований сообщить, что для них таковые окажутся полезными. Очевидно, что проведение исследований в открытых, антипозитивистских рамках в такой ситуации ставится под угрозу.

Неудивительно также и то, что в этих условиях антропологи пытаются найти адекватные способы реагирования и сопротивления. Адам Купер в своей вступительной речи на конгрессе Европейской ассоциации социальных антропологов в Лиссабоне призвал дисциплинарное сообщество к тому, чтобы всячески не признавать маргинальное положение дисциплины. Однако, мне представляется, для нашей дисциплины в маргинальности есть свои преимущества – и, возможно, это единственные преимущества, на которые антропология может реалистично надеяться в ближайшем будущем. Важно не забывать, что антропология всегда была маргинальной дисциплиной в том смысле, что она брала на себя миссию говорить от лица “маргинального”, вскрывать причины, которые конституировали все маргинальное как собственно “маргинальное”, показывать условность тех факторов, которые делали центр “центром”, и анализировать те механизмы, с помощью которых центр устанавливал свою власть. Будучи погруженными во множественность, антропологи хорошо знают, что некоего одного, истинно центрального “центра” нет, а если бы таковой и был, то условия нахождения в нем попросту препятствовали бы пониманию того, где мы находимся.

Работа в маргинальных областях позволяет антропологам говорить о полном присутствии их дисциплины на общей арене научных исследований⁵. Так, если мы посмотрим на требования, предъявляемые спонсорами, то увидим, что антропология отвечает многим из этих требований, в то время как другие, более “центральные” дисциплины, такие как экономика или психология, тщетно пытаются удовлетворить им.

Антропология обычно подает хороший пример междисциплинарности: полевая работа способствует тому, что исследования, как правило, простираются дальше намеченного плана, приводят к установлению тесного контакта с миром за пределами академических стен и позволяют плодотворно осмыслить проблемы в последующем диалоге с другими дисциплинами – политологией, биотехнологией, экономикой или геофизикой. Даже для тех, кто готов взяться за исследование тем, рекомендованных и сформулированных спонсорами (что, в принципе, не более сложно, чем попытаться заставить людей отвечать на формулируемые нами самими вопросы о нормативных принципах общественной жизни), не так уж трудно трансформировать их в проекты достаточно общие, чтобы в них оставалось место для свободы этнографической интерпретации, и достаточно конкретные, чтобы полноценно сконцентрировать внимание на поставленной проблеме.

Среди областей исследований, которые хорошо спонсируются в последнее время, присутствуют, к примеру, такие, как социальное и экономическое развитие, нищета, медицина, биология человека, воздействие новых технологий на общество, окружающая среда, корпоративная культура, творческая культура. Классические объекты внимания антропологии – родство, обмен, религия или власть – входят в предметную сферу данных областей исследований.

Д. Спенсер поднимает резонный вопрос о том, необходима ли такая тактика для выживания дисциплины и не представляет ли она собой компромисс, подрывающий основы дисциплины (*Spencer 2000: 2*). Опять же, мне кажется, что в нашей дисциплине реакция на проблемы финансирования, как это ясно демонстрирует история дисциплины, всегда принимала самые разнообразные формы.

Следует отметить, впрочем, что в последнее время возникло целое направление социально-антропологических исследований того мира, который, собственно говоря, навязывает антропологам условия финансирования. Антропологи, работавшие в корпоративном и деловом мире, государственных и негосударственных структурах, медицинских и образовательных учреждениях, сегодня нередко публикуют вдумчивые монографии об образе жизни в этих мирах. Данные работы оказываются интересными даже для тех, кто предпочитает заниматься традиционными исследованиями “альтернативных” культур или этнических групп. Потенциал современной антропологии заключается в ее способности сопоставить все эти разнообразные точки зрения и мировоззрения, с тем чтобы лучше понять природу сегодняшних изменений в нашем обществе и продемонстрировать однобокость тех стереотипных представлений о “современности”, “капитализме” и “глобализации”, которые бытуют в определенных кругах. Понимание того, как культурные различия эксплуатируются в капиталистическом предпринимательстве, транснационализирующихся средствах массовой информации, неолиберальных социальных программах и технонаучных проектах, чрезвычайно важно для тех, кто работает в разнообразных сферах, где о ображаемых стандартах жизни и ее нормативных формах часто думают как об “универсальных” или “глобальных”. Важно оно, разумеется, и для тех, кто, подобно антропологам, старается разобраться в структурах повседневной жизни.

И все же работа в маргинальных областях требует реалистичной оценки того, в каком контексте и для какого круга потребителей антропологическое знание может действительно иметь ценность. Многие исследователи озабочены вопросами, как обеспечить циркуляцию антропологического знания, как установить связь с более широкой аудиторией, как достичь более значимого воздействия антропологического знания на мир. Конечно, данные вопросы беспокоят не только антропологов – в последнее время они широко обсуждаются представителями самых разнообразных дисциплин под рубриками “общественная роль науки” или “общественное понимание науки”. Но в контексте антропологической дисциплины очень хорошо высвечивается сложная суть этих вопросов, с виду кажущихся простыми, ибо “общество”, с которым антропологи имеют дело, предстает чрезвычайно разнообразным. Кем являются люди, которых мы исследуем, – нашей аудиторией или нашими соавторами? Готовы ли мы передавать наше знание в общество “упакованным” для его удобного применения политиками или разработчиками социальных программ (не говоря уже о телевизионных продюсерах, озабоченных тем, как повысить массовый рейтинг телепередач)?

Антропологи, участвовавшие в дебатах о контактах науки и общества, часто сталкивались с трудностями, связанными с необходимостью “упаковывать” их сложный, полный нюансов материал в простую, рационалистичную, доступную неспециалисту аргументацию⁶. Имея опыт в деле межкультурной коммуникации, антропологи достаточно хорошо знают, что рационалистичный аргумент – не всегда самая успешная форма установления взаимопонимания. Он требует экспертной подготовки и понимания правил специализированного дискурса. Поэтому в британской антропологии (как, впрочем, и в некоторых других дисциплинарных традициях) в последнее время нередко говорили о двух возможных вариантах решения вопроса о том, как облекч антропологическое знание в формы репрезентации, более доступные неспециалистам. Так, одни призывают к нахождению более свободных форм антропологического описания (*Gledhill 2000*). Другие же размышляют о пользе неописательных средств – к примеру, этнографических фильмов (*Grimshaw 2001*). Но проблематичность обоих вариантов заключается в том, что они требуют такого художественного таланта, которым антропологи не всегда об-

ладают, и такого чутья к тонкостям межкультурного перевода, которое также не обязательно воспитывается в антропологах в ходе их профессиональной подготовки.

Мне кажется, есть еще один вариант, над которым стоило бы подумать, – а именно сосредоточить внимание на том, как более плодотворно распространять наше знание в академическом мире, вместо того чтобы заикливаться на вопросе, как передать это знание за пределы академического мира. Хотя антропологи сегодня весьма успешно взаимодействуют с представителями некоторых других научных дисциплин, тем не менее “внутри” академического мира антропологическое сообщество предстает гораздо более разрозненным, чем это может показаться из моего повествования. Фрагментация объясняется разными факторами: тем, какой материал и каких авторов те или иные антропологи читают; с кем они предпочитают вести диалог; на кого их собственные труды оказывают наибольшее влияние. Эти “сообщества” антропологов на самом деле весьма и весьма разрозненны.

Как бы то ни было, я хочу сказать, что занимать маргинальные области и работать в пограничных зонах очень интересно. Экспертное знание в этих областях не только ценно, но порой может считаться даже привилегированным. (Уместно вспомнить об идее “профессионального чужого”, которую выдвинул на первый план в своей книге М. Агар (*Agar* 1980) и о которой еще раньше размышлял Г. Зиммель (*Simmel* 1971), как об идее специфической личности, которая приносит с собой скорее дискомфорт, чем комфорт, но к которой вместе с тем проникаются уважением именно потому, что “инаковость” всегда вызывает интерес.) “Маргинальное” и “пограничное” подразумевает нечто находящееся “между”, т.е. в тех местах, где нормативный порядок представляется в некотором роде деформированным и его характерные черты, соответственно, становятся более отчетливо заметными.

Говоря о британской социальной антропологии, Д. Спенсер указывал на важность понимания границ и отмечал, что в первых четырех конгрессах ассоциации социальных антропологов Великобритании можно было усмотреть моменты “дисциплинарной солидарности”, когда представители данной дисциплины собирались для того, чтобы определить собственные границы. «В конгрессах 1963, 1973, 1983 и 1993 гг., – пишет он, – можно видеть проявления коллективного самосохранения... Но в них можно также видеть поводы переосмыслить собственную сущность и, в частности, пересмотреть границы дисциплины: в 1963 г. – с соседними социальными науками; в 1973 г. – с новыми течениями за пределами Великобритании и за пределами дисциплины; в 1983 г. – с холодной экономической действительностью так называемого “реального мира”; в 1993 г. – с силами глобализации» (*Spencer* 2000: 15).

В 2003 г. я принимала участие в организации V конгресса ассоциации в Манчестере, темой которого была выбрана “Антропология и наука”. Тема, казалось бы, объединила в себе сюжеты всех предыдущих конгрессов, однако на этот раз было решено не ставить вопрос о месте антропологии между гуманитарными и естественными науками, а подумать о позиции антропологии в сегодняшнем мире, где всем наукам в равной мере приходится определять свое отношение к обществу и серьезно считаться с последствиями ослабевающей веры в эффективность научной экспертизы в этом самом обществе, в то время как волна инвестиций в коммерческие технонаучные проекты, как ни парадоксально, находится на подъеме.

Выступления на многочисленных секциях конгресса продемонстрировали, что в действительности британская антропология сегодня тесно связана с антропологическими исследованиями во многих других странах и что в таком союзе наш “маргинальный” голос наконец может приобрести силу. Выступления также показали растущий интерес к вопросу о том, как оградить от критики “медлительность”, присущую исследованиям, опирающимся на этнографические методы – методы, которые поставлены под угрозу в мире, где все большую ценность приобретает динамика и быстрота⁷.

Антропология, конечно, в состоянии показать обратную сторону и цену данной динамики и быстроты, но и эта задача требует времени на обстоятельное изучение

всех деталей (через долговременные полевые исследования) и приведение информации, полученной в ходе полевых исследований, в тот вид, который позволит антропологии вступить в эффективный диалог с собеседниками, мыслящими иначе.

Примечания

¹ По спорному мнению, наиболее известными (для широкой публики) антропологами в Великобритании считаются Найджел Барли и Десмонд Моррис. Вместе с тем ни тот, ни другой сегодня не поддерживает творческих связей с активно работающим сообществом антропологов в британских университетах и исследовательских институтах.

² Следует отметить, что “линейная” модель дисциплины обычно скрывает под собой “десцентную” модель, которая тесно связана с узлами протектирования и благодаря которой “ведущие” ученые в “ведущих” институтах традиционно имели непропорционально большие шансы, чем кто-либо другой, способствовать карьерному продвижению своих учеников.

³ В 1950-е годы в британских университетах работало около 30 антропологов. К 1990-м годам это число перевалило за 200 (*Spencer 2000: 4*). Согласно данным британской ассоциации социальных антропологов, сегодня в университетах Великобритании работает около 400 антропологов, хотя не все из них находятся в составе тех 28 кафедр, на которых ведется преподавание антропологии.

⁴ Данная политика имела катастрофические последствия для ряда антропологических кафедр, которые оказались закрытыми или подверглись сокращению в результате последней кампании по проверке и оценке исследований, причем качество и значение работ конкретных ученых, работавших на этих кафедрах, в этой кампании не принимались во внимание вообще. Так, антропологические кафедры исчезли в университетах Кила, Лампетера и Суонси (хотя антропологи, преподававшие на этих кафедрах, пока еще продолжают активно работать в кругах других дисциплинарных сообществ), в то время как на кафедре в университете Халла преподавательские должности продолжают методично сокращаться.

⁵ Необходимо помнить, конечно, что “маргинальное” – относительное понятие и некоторые из маргинальных областей находятся ближе к “центру”, чем другие.

⁶ О данной проблеме, к примеру, интересно рассуждает Т. Эриксен, участвовавший в дискуссиях антропологов с норвежскими средствами массовой информации (*Eriksen 2003*).

⁷ Интересные рассуждения и мнения по данному поводу приводит в своей недавней работе Т. Бреннан (*Brennan 2000*).

Литература

- Agar 1980* – *Agar M.* The Professional Stranger: An Informal Introduction to Ethnography. N.Y., 1980.
- Brennan 2000* – *Brennan T.* Exhausting Modernity: Grounds for a New Economy. L., 2000.
- Eriksen 2003* – *Eriksen T.H.* The Young Rebel and the Dusty Professor: A Tale of Anthropologists and the Media in Norway // *Anthropology Today*. 2003. Vol. 19. № 1. P. 3–5.
- Gledhill 2000* – *Gledhill J.* Finding a New Public Face for Anthropology // *Anthropology Today*. 2000. Vol. 16. № 6. P. 1–3.
- Grimshaw 2001* – *Grimshaw A.* The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Modern Anthropology. Cambridge, 2001.
- Hart 2003* – *Hart K.* British Social Anthropology's Nationalist Project // *Anthropology Today*. 2003. Vol. 19. № 6. P. 1–2.
- Kuper 1973* – *Kuper A.* Anthropologists and Anthropology: The British School 1922–1972. L., 1973.
- Kuper 1999* – *Kuper A.* Among the Anthropologists: History and Context in Anthropology. L., 1999.
- Leach 1984* – *Leach E.* Glimpses of the Unmentionable in the History of British Social Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1984. Vol. 13. P. 1–23.
- Mills 2003* – *Mills D.* Quantifying the Discipline: Some Anthropology Statistics from the UK // *Anthropology Today*. 2003. Vol. 19. № 3. P. 1–22.
- Sillitoe 2003* – *Sillitoe P.* Time to Be Professional? // *Anthropology Today*. 2003. Vol. 19. № 1. P. 1–2.
- Simmel 1971* – *Simmel G.* The Stranger // *On Individuality and Social Forms: Selected Writings of Georg Simmel*. Chicago, 1971.
- Spencer 2000* – *Spencer J.* British Social Anthropology: A Retrospective // *Annual Review of Anthropology*. 2000. Vol. 29. P. 1–24.
- Stocking 1984* – *Functionalism Historicized* / Ed. G. Stocking. Madison, 1984.
- Strathern 2000* – *Strathern M.* Audit Cultures. L., 2000.